

¹¹ См.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 703.

¹² Гоголь в воспоминаниях современников.— Редакция текста, предисл. и коммент. С. Машинского. М., 1952. С. 512.

Москва

«КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА» Н. А. ДУРОВОЙ И «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» А. С. ПУШКИНА: «ПРАВО РАССКАЗЧИКА»

А. Б. Рогачевский

История опубликования в пушкинском «Современнике» записок воина и писательницы Надежды Андреевны Дуровой (1783—1866) изучена достаточно хорошо¹. С той или иной степенью достоверности и полноты указываются как причины, побудившие Пушкина привлечь к сотрудничеству в журнале неизвестного дотоле литератора (необыкновенная судьба Дуровой — скрывшей свой пол участницы кампании 1807 и Отечественной войны 1812 г., награжденной Георгиевским крестом и вышедшей в отставку в чине штабс-ротмистра; яркая талантливость ее основного произведения — автобиографических «записок кавалерист-девицы»; наконец, протекция ее брата В. А. Дурова, с которым Пушкин был знаком), так и характер тех редакторских изменений, которые Пушкин счел необходимым внести в текст дуровских мемуаров². До сих пор, однако, вне поля зрения исследователей находился тот бесспорный факт, что «Кавалерист-девица» Дуровой оказала определенное влияние на пушкинский роман «Капитанская дочка».

Часть рукописи Дуровой, относящуюся к войне 1812 г., Пушкин прочел в марте 1836 («прелесть! живо, оригинально, слог прекрасный»³, — писал он В. А. Дурову). С остальными записками, переданными Пушкину Дуровой при их личной встрече, он ознакомился в июне 1836 (напомним, что дата окончания «Капитанской дочки» — 19 октября того же года).

Отличие записок Дуровой от таких значительных и, безусловно, известных Пушкину мемуаров о войне с Наполеоном, как, скажем, «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова или «1812 год» Д. В. Давыдова, заключалось в большей беллетризованности первых по сравнению с последними⁴. Причем, если у Лажечникова собственно описание событий почти отсутствует, а основное внимание сосредоточено на сентименталистских переживаниях боевого офицера; если центральным повествовательным принципом у Давыдова является фактографичность, то у Дуровой соотношение между обращением к внутреннему миру героини (без риторических излишеств в духе Лажечникова) и к историческим событиям (с

добавлением изрядной доли вымысла к фактам личной биографии) выглядит более уравновешенным.

Пушкин не мог не обратить внимание на то, что в мемуарном по форме произведении Дурова разрешает по существу художественные задачи, к тому же близкие тем, которые ставил перед собой он сам в работе над «Капитанской дочкой»⁵.

Сходство, во-первых, проявлялось в том, что свидетели и участники событий русской истории — «кавалерист-девица» и Петруша Гринев — оказывались, каждый по-своему, в необычных жизненных обстоятельствах. Во-вторых, кроме плана исторического, и у Дуровой (предполагавшей опубликовать мемуары под названием «Записки амазонки»), и у Пушкина⁶ был задействован (хотя и с разной степенью активности) мифологический культурный пласт. В-третьих, идентичным в обоих произведениях оказывался адресат мемуаров. В качестве ближайшего круга читателей и Дурова, и пушкинский Гринев называют семью повествователя («их будет читать своя семья»⁷; «семейственные записки» [VIII, 341]); но это, разумеется, не более, чем литературная условность — в конечном счете и те, и другие записки рассчитаны на массового читателя и издаются «для любопытства современников и в воспоминание потомству» ([ч. I, без пагинации]; см. также [VIII, 927]).

Немаловажным было и то, что рукопись Дуровой предоставляла Пушкину возможность реализовать в действительности ту литературную ситуацию, которую он неоднократно моделировал в своем творчестве («Повести Белкина»; та же «Капитанская дочка»): издание — с широкими редакторскими полномочиями (см. письмо Дуровой Пушкину от 5 августа 1835 г.) — записок, создававшихся «не для печати».

Любопытно, что появление «Записок Н. А. Дуровой» в пушкинском «Современнике» (правда, уже после редакторской правки) заставило В. Г. Белинского заподозрить, что их автором является Пушкин⁸. Налицо такие общие элементы поэтики, как «прелесть... искреннего и небрежного рассказа», простота, «с которою пылкая героиня описывает самые необыкновенные происшествия» [XII, 135], афористичность изложения (ср. «Никогда мы не бываем так несправедливы, как тогда, когда считаем себя справедливыми» [ч. II, с. 133] с интонацией пушкинского «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» [VIII, 319]), наличие лирических отступлений (ср. «Верить робости войска русского в границах его Отечества!.. Верить и бежать за ним, стараясь догнать... Ужасное ослепление!! Ужасен должен быть конец!..» [ч. II, с. 50] с пушкинским «Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный»), так называемый «синтетизм» повествования, когда по двум-трем изображенным автором чертам происшествия, характера, эмоции, хотя бы отчасти знакомых читателю, сей последний должен сам

дорисовать в своем воображении недостающее⁹. «Синтетический» метод повествования используется и Дуровой, и Пушкиным применительно как к событиям истории, так и к движениям души. О Бородинской битве, например, из записок Дуровой мы узнаем главным образом то, что в этот день из-за ледяного ветра у атакующих мерзли руки (ср. пушкинское «не стану описывать нашего похода и окончания войны» [VIII, 364]). В некоторых случаях близки автоописания психологического состояния повествователей (ср. «скорый переход от величайшего шума к совершенному безмолвию делает на душу мою какое-то впечатление, которого я, однако ж, ни понять, ни описать не могу» [ч. II, с. 59—60] с пушкинским «Чувствования мои были слишком смутны» [VIII, 325]).

Однако сходство художественных манер Пушкина и Дуровой, иногда носящее довольно случайный характер¹⁰, — только фон для значимых совпадений в развитии сюжета «Кавалерист-девицы» и «Капитанской дочки». И для пушкинского Гринева, и для героини Дуровой (фигурирующей в основном под фамилией Александров) повествовательная «точка отсчета» — это история их собственных родителей. В этой связи любопытно следующее место из дуровских записок: «...живу в доме старого отставного гвардии сержанта, который с утра до вечера рассказывает мне анекдоты своей молодости и службу при Екатерине» [ч. I, с. 277]. Записки Гринева и Дуровой начинаются одинаково: «Мать моя, урожденная Александровичева...» [ч. I, с. 1]; «Отец мой Андрей Петрович Гринева...» [VIII, 279]¹¹. Одинаковыми путями идет развитие и воспитание мемуаристов: «Отец вверил меня... смотрению флангового гусара Астахова /.../ Я знала твердо все командные слова, любила до безумия лошадей, и когда матушка хотела заставить меня вязать шнурок, то я с плачем просила, чтоб она дала мне пистолет, как я говорила, по ш е л к а т ь» [ч. I, с. 8, 11]; «отдан я был на руки стремянному Савельичу /.../ на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля» [VIII, 279]. Однотипны характеристика «сержанта гвардии» Гринева, облизывающегося при виде пенек от варенья, и воспоминания офицера Горленко об «Александрове»-ординарце [ч. II, с. 19]. К одним и тем же результатам приводит зарождение у героев любовного чувства — родные влюбленных разлучают их [ч. I, с. 29—30; VIII, 309].

Существенную роль в сюжетосложении и того, и другого произведения играют письма, хотя в «Кавалерист-девице» их не так много, как в «Капитанской дочке». Дурова частью приводит, частью пересказывает свою переписку с отцом, Кутузовым и императором Александром (через Ливена и Аракчеева), а также переписку отца Дуровой с различными должностными лицами по делу о розыске пропавшей дочери. А вот письмо Кутузова к «Александрову» с положительной оценкой его качеств, в отличие от заботливо сохраняемого потомками аналогичного по содержанию письма Екатерины II Грине-

ву-старшему, было, если верить Дуровой, уничтожено самим «Александровым» якобы из-за того, что отец заставлял ее «двадцать раз в день краснеть, показывая его всем и давая каждому читать» [ч. II, с. 131].

В «Кавалерист-девице» есть сцена дуэли между Р. и князем К., ироническое описание которой можно соотнести со «снижающим» эпиграфом из Княжнина, предпосланным Пушкиным к главе «Поединок». Особенности взаимоотношений «Александрова» и его товарища Сезара [ч. II, с. 56—57] отчасти напоминают историю ссоры Швабрина и Гринева. Калмыцкая сказка, рассказанная Пугачевым Гриневу по дороге из Бердской слободы в Белогорскую крепость, параллельна вставной новелле о любви Хамитуллы и Зугры, изложенной «Александрову» во время одной из его поездок возницей-татаринном. К повторениям в сюжетах «Кавалерист-девицы» и «Капитанской дочки» можно отнести количество встреч героев с самодержцами (и Маша Миронова, и «Александров» видятся соответственно с Екатериной II и Александром I дважды), а также частичное совпадение практических результатов этих аудиенций (государь берет на себя заботу о материальном положении «капитанской дочки» и «улана-амазонки»).

Поразительно почти дословное сходство описаний облика и манер Екатерины и Александра от лица Маши Мироновой и «Александрова», а также поведения обеих девиц на приеме:

«Кавалерист-девица»

Государь наш красавец, во цвете лет; кротость и милосердие изображаются в больших голубых глазах его, величие души в благородных чертах, и необыкновенная приятность на румяных устах его! /../

— Государь наш исполнен милости и великодушия; вы узнаете это на опыте.— Я, однако ж, испугалась. /.../

Государь тотчас подошел ко мне, взял за руку... стал спрашивать вполголоса и с таким выражением милости, что вся моя робость исчезла, и надежда снова ожила в душе моей. /.../

...я увидела, что Государь краснеет... /.../

...я вскрикнула от ужаса и в ту же минуту упала к ногам

«Капитанская дочка»

Ей казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. /.../

— Я приехала просить милости, а не правосудия. /.../

Все в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. /.../

— Как неправда! — возразила дама, вся вспыхнув. /.../

Но вдруг лицо ее переменялось — и Марья Ивановна... испуга-

Государя /.../ Государь был тронут. Он поднял меня и спросил изменившимся голосом: «Чего ж вы хотите?»

лась... /.../ Марья Ивановна... заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла ее и поцеловала. /.../ Дама, казалось, была тронута.

[ч. I, с. 134, 154, 161, 162, 163]

[VIII, 371, 372, 374]

Особый интерес представляет то, что так называемая «точка зрения» повествователей, т. е. такое «отношение системы к своему субъекту», когда под субъектом подразумевается «сознание, способное породить подобную структуру и, следовательно, реконструируемое при восприятии текста»¹², оказывается здесь «совмещенной». Исследователи неоднократно отмечали, что, вопреки читательскому ожиданию, возможность перехода повествования от Гринева к Маше в главе «Суд» остается не реализованной. Этот момент специально оговаривается в «Капитанской дочке»: «Я не был свидетелем всему, о чем остается мне уведомить читателя; но я так часто слышал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал» [VIII, 369]. Таким образом, мужское и женское повествовательные «начала» в «Капитанской дочке» временами оказываются слитыми воедино (на сюжетно-персонажном уровне функциональное тождество Гринева и Маши продемонстрировал И. П. Смирнов¹³).

То же субстанциональное слияние, но в более просторном литературном объеме, отмечала критика и у Дуровой: «Под гусарским ментиком, под уланским мундиром видна везде тонкая наблюдательность женщины»¹⁴. Постоянно подчеркиваемое несоответствие между Дуровой — рассказчицей о событиях (именующей себя в женском роде) и Дуровой — участницей событий (употребляющей глагольные окончания мужского рода) не дает читателю забыть об особой «точке зрения» повествователя, хотя и оставляет впечатление недостаточной (по сравнению с тем же Пушкиным) гармоничности сплава мужской и женской составляющих. Вот некоторые примеры: «— Тебе на кресы, Дуров.— Очень рад! — Я в самом деле рада всякой новости» [ч. I, с. 138]; «Я оборотилась к дежурному: — Я приказал тебе, чтоб лошади были непременно заложены» [ч. II, с. 18].

Определенный «зазор» между мужским и женским родом повествователя и персонажа ощущается и в «Капитанской дочке» — недаром исследователи до сих пор не дают окончательного ответа на вопрос о том, почему в заглавие романа о войне и войне вынесен персонаж, вследствие одной только принадлежности к «прекрасному полу» взывающий о милосердии¹⁵.

Героиня Дуровой, оказавшаяся на войне по собственной воле, все же подвластна порывам сочувствия к неприятелю: «Французы — неприятель, достойный нас, благородный и мужественный; но злой рок... ведет их в Россию; в ней положат они головы свои, в ней

рассыплются кости их и истлеют тела» [ч. II, с. 51]. Таково и отношение Гринева к Пугачеву: «Емеля, Емеля! — думал я с досадою. — Зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? /.../ Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему» [VIII, 364, 358]. Гринев, точно так же, как и «Александров», включает благородное отношение к противнику в кодекс дворянской и воинской чести¹⁶. Проблема чести представляется важной для обоих произведений (ср. слова Буксгевдена, произнесенные в тот момент, когда героиню Дуровой требуют к царю: «У вас не отнимут мундира, которому вы сделали столько чести» [ч. I, с. 155]), хотя в «Кавалерист-девице» она и не находится на первом плане.

Одинаковыми оказываются и представления героев-повествователей об исполнении воинского долга. Эскадронный офицер Станкович говорит «Александрову»: «Куда не посылают, не напрашивайся; куда посылают, не отказывайся!» [ч. I, с. 211]. Вспомним наставления Гринева-старшего сыну: «На службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся». Впрочем, как «Александров», так и Гринев (на оренбургском совете) подают пример отваги, как бы избыточной с точки зрения опытного военного: «Я с каждым эскадром ходила в атаку... и очень удивлялась, что вахмистр чужого эскадрона, подле которого я неслась как вихрь, кричал на меня: да провались ты отсюда! зачем ты здесь скачешь?» [ч. I, с. 94]¹⁷.

Чрезвычайно важной для понимания того, почему «Кавалерист-девица» стала одним из источников «Капитанской дочки», является проблема соотношения истории и вымысла в историческом романе. Русские романисты 1830-х годов решали ее по-разному. И. И. Лажечников, например, высказывался за подчинение исторической линии романической, Ф. В. Булгарин — по крайней мере, на словах — выступал за преобладание факта над вымыслом. В известном определении исторического романа, данном Пушкиным в 1830 г., действительность и вымысел не противопоставлены, а гармонически уравновешены [XI, 192]. Такое равновесие, однако, не исключало возможности того, что «читателю легко будет распознать нить истинного происшествия, проведенную сквозь вымыслы романические» (набросок неосуществленного предисловия к «Капитанской дочке»). Своего рода образцом в этом отношении и явились для Пушкина записки Дуровой.

Дело в том, что версия автобиографии, предложенная Дуровой читателю, содержала существенные расхождения с действительностью, и Пушкин об этом прекрасно знал. Так, например, в своих записках, где вообще-то время «расчислено по календарю», Дурова утверждает, что она убежала из дому 17 сентября 1806 г. в возрасте 16 лет. На самом деле в 1806 г. Дуровой было около 23 лет. Пушкин не мог не ощутить наличие этого возрастного анахронизма при личной встрече с писательницей в 1836 г.

Напомним, что указанный Пушкиным возраст Гринева также противоречит упоминающимся в романе историческим событиям. По всем приметам отец Гринева должен был выйти в отставку после дворцового переворота в пользу Екатерины II. В этом случае к началу крестьянской войны под предводительством Пугачева Гринева никак не могло быть более 10 лет. Пушкин добавил Гринева приблизительно столько же лет, сколько убавила себе Дурова, и «зашифровал» это обстоятельство, не указав год отставки Гринева-старшего. Правда, отмечаемое исследователями неправдоподобно раннее повзросление Гринева («Александрова») может также быть объяснено и другими жизненными и литературными причинами. Д. В. Давыдов писал об идеальном партизанском начальнике времен наполеоновских войн, которому нужен «необыкновенный союз молодых лет с опытностью», а М. М. Бахтин — о специфике «авантюрного» романного времени, как бы спрессовывающего многочисленные и разнообразные сюжетные события.

За тот срок, который Дурова «вычеркнула» из своей жизни, она успела выйти замуж и родить сына. Об этом ни словом не упомянуто в ее «мемуарах». Напротив, излагая историю своей первой любви к юноше Кириякову, Дурова прямо отрицает факт замужества: «Если б тогда отдали меня за него, то я навсегда простилась бы с воинственными замыслами; но судьба, предназначавшая мне поприщем ратное поле, распорядилась иначе» [ч. I, с. 29—30].

Невнятно изложены и мотивы, побудившие Дурову оставить семью, скрыть свой возраст и пол и поступить на службу в армию. Одна из версий — романтическая любовь Дуровой к поручику Г. Шварцу — была известна Пушкину из письма Д. В. Давыдова от 13 октября 1836 г. [XVI, 165]. А между тем упомянутые три «фигуры умолчания» (возраст, замужество и подлинные причины «ухода») — как три «антикита», на отсутствии которых держится все повествование.

Сколько-нибудь посвященные в обстоятельства личной жизни Дуровой отдавали себе отчет в том, что записки ее «похожи скорее на фантастический роман, чем на автобиографию, правдиво излагающую факты действительности»¹⁸. Рядовому читателю наверняка и сейчас кажется, что в «Кавалерист-девице» «мало вымысла»¹⁹ — настолько он правдоподобен. Справедливости ради отметим, что записки — единственное произведение, где Дуровой удалось уравновесить «истину» и «поэзию». В последующих творениях Дуровой («Ярчук», «Угол», «Гудишки» и др.), как отмечала критика²⁰, поэзия довела правду и тем губила самое себя.

В переведенных и подготовленных Пушкиным к печати записках бригадира Моро-де-Бразе о Прутском походе 1711 г., которые Пушкин ценил за «множество любопытных подробностей и неожиданных откровений, которые можно подметить только в пристрастных и вместе искренних сказаниях современника и свидетеля» [X, с. 297],

есть такой эпизод. Описывая буджакские степи, бригадир утверждает, что там нет ничего, кроме раскаленного песка. Пушкин комментирует: «Степи Буджацкие не песчаные: они стелются злачной, зеленою равниною, усеянною курганами. Моро здесь пользуется правом рассказчика» [X, с. 308]. Как известно, эволюция пушкинской художественной прозы во многом определяется поисками фигуры повествователя. «Право рассказчика», которым удачно, без злоупотреблений, воспользовалась Дурова в своих записках, позволяло гармонически соединить документальное и художественное, «все достоинства истинной истории и всю прелесть заманчивого романа»²¹. Думается, творческие заимствования «Капитанской дочки» из «Кавалерист-девицы» прежде всего связаны с обращением Пушкина к опыту Дуровой-повествователя.

¹ См.: Гиллельсон М. И. Пушкинский «Современник» // Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М., 1987. С. 20.

² См.: Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 45—46.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 16 т. М.—Л., 1937—1949. Т. 16. С. 99. Далее ссылки на это изд. см. в тексте с указанием римской цифрой — тома, арабской — страницы.

⁴ «Записки Н. А. Дуровой — это не просто воспоминания участника военных походов, не просто историческая справка. Это... художественный рассказ о судьбе, о мыслях, о подвигах рядового участника исторических событий» (Ерохин А. Героиня русского народа // Дурова Н. А. Записки кавалерист-девицы. М., 1962. С. 18).

⁵ О соотношении мемуарного и романного начал в «Капитанской дочке» см.: Мясоедова Н. Е. Мемуарная форма в художественной прозе А. С. Пушкина // Пушкин и русская литература. Рига, 1986. С. 59—68.

⁶ См.: Смирнов И. П. От сказки к роману // ТОДРЛ. Вып. XXVII. М., 1972. С. 284—320.

⁷ Кавалерист-девица. Происшествие в России. Издал Иван Бутовский. СПб.; 1836. Ч. I—II. Далее ссылки на это изд. см. в тексте.

⁸ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 2. С. 236.

⁹ Ср. рецензию на произведения Дуровой: «...сочинительница все как бы чего-то не досказывает, и читателю все хочется узнать побольше, заглянуть поглубже в эту странную жизнь» (Библиотека для чтения. 1839. Т. 33. Отд. VI. С. 40).

¹⁰ Столь же случайный, но и знаменательный характер имеет тот факт, что цензором и «Кавалерист-девицы», и «Капитанской дочки» был П. А. Корсаков, а также то, что первые буквы слов, составляющих название произведения, у Пушкина и Дуровой одинаковы (даты цензурного разрешения I и II частей «Кавалерист-девицы» соответственно 5 августа и 22 сентября 1836 года).

¹¹ Ср. подобный зачин в инспирированных Пушкиным воспоминаниях актера М. С. Щепкина: «Отец мой Семен Григорьевич...» (Записки актера Щепкина. М., 1988. С. 23).

¹² Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Тарту, 1975. С. 42.

¹³ См.: Смирнов И. П. Указ. соч.

¹⁴ Библиотека для чтения. 1837. Т. 20. Отд. VI. С. 3. Ср. письмо Д. В. Давыдова Пушкину от 10 августа 1836 г. (XVI, 152).

¹⁵ Наиболее приемлемым представляется ответ Н. Л. Степанова (см. его книгу «Проза Пушкина». М., 1962. С. 211).

¹⁶ Подробнее о понятии «честь» см.: Рогачевский А. Б. К понятию «честь»: Фонвизин и Пушкин // Философия и духовная жизнь общества. Л., 1989. С. 50—51.

¹⁷ Ср. поведение самого Пушкина на Кавказе во время войны с турками в 1829 г. (Вересаев В. В. Пушкин в жизни. М., 1984. С. 182).

¹⁸ Военский К. А. Н. А. Дурова // Записки кавалерист-девицы Дуровой. СПб., 1912. С. 4.

¹⁹ Некрасова Е. С. Н. А. Дурова (1783—1866) // Исторический вестник. 1890 № 9. С. 601.

²⁰ См., например: Сын отечества. 1839. Т. 8. Отд. IV. С. 87—89.

²¹ Русский инвалид. 1836. № 274. С. 1095.

Москва

КОМУ ЖЕ ПОСВЯЩЕНА ПУШКИНСКАЯ «ПОЛТАВА»?

В. М. Есинов

Вопрос этот всегда волновал пушкинистов. Большинство из них и в наши дни придерживается мнения, что она посвящена Марии Николаевне Волконской. Впервые ее имя было названо в этой связи еще в 1911 г. известным исследователем творчества Пушкина П. Е. Щеголевым. Однако его предположение разделялось и разделяется сейчас далеко не всеми, к тому же оно до сих пор не имеет достаточно достоверного научного обоснования. Более того, выявляются все новые факты, подвергающие такое предположение сомнению. Все это побуждает нас рассмотреть давнюю проблему заново.

Принято считать, что в известной публикации П. Е. Щеголева «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина»¹ имя М. Н. Волконской названо в результате анализа черновых рукописей поэта, где исследователем был обнаружен стих: «Сибири хладная пустыня». Зная, что М. Н. Волконская, добровольно отправившаяся в сибирскую ссылку вслед за мужем-декабристом, в 1828 г. находилась в Сибири, он и решил, что поэма посвящена ей. Аргументация его, однако, сразу же вызвала принципиальные возражения М. О. Гершензона, который утверждал, что обнаруженная Щеголевым черновая строка Пушкина в сочетании с другой, впереди стоящей строкой, обретает совсем не тот смысл, какой придавал ей Щеголев. По мнению Гершензона, в черновике читается:

Что без тебя ... свет
Сибири хладная пустыня²,

т. е. мир для поэта без этой женщины, которой он посвящает поэму, подобен сибирской пустыне, Сибирь здесь — метафора³.

Так же в стихотворении «Увы! Язык любви болтливый...», обращенном к А. А. Олениной, которое создавалось практически одновременно с первой песнью «Полтавы», метафорой, характеризующей положение поэта, является «жизненная пустыня»:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Филологические науки

Журнал выходит 6 раз в год

4*1993

Издается с 1958 года

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

П. А. НИКОЛАЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

В. П. Аникин
А. Г. Бочаров
Н. С. Валгина
Е. М. Верещагин
Г. Г. Виноград
(зам. главного редактора)
В. С. Виноградов
В. Г. Гак
Б. П. Гончаров
В. И. Гусев
Вал. В. Иванов
Г. К. Косиков
Л. Ю. Максимов
Ю. В. Манн
А. В. Михайлов
Н. П. Михальская
П. Г. Пустовойт
М. К. Румянцев
Г. В. Чернов
И. И. Чернышева
В. Н. Ярцева

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- О. А. Крашенинникова. Рукописные Октоихи XIII—XIV веков и проблема ранних славянских переводов гимнографических текстов 3
- Т. В. Марченко. Бунт потрясенной души (о стиле «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя) 10
- А. Б. Рогачевский. «Кавалерист-девица» Н. А. Дуровой и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина: «право рассказчика» 23
- В. М. Есипов. Кому же посвящена пушкинская «Полтава»? 31
- Л. А. Спиридонова. Горький сегодня 42
- Н. Н. Мисюров. Нюрнберг в изображении немецких романтиков (о характере средневековой городской ауры в новелле Э. Т. А. Гофмана «Мастер Мартин-Бочар и его подмастерья») 52
- И. М. Синагатуллин. О требованиях к преподавателю-словеснику в условиях многоязычия 62
- В. В. Шигуров. Обобщенно-фактический тип употребления глаголов несовершенного вида в контексте отрицания действия 72
- Р. М. Рымарь. Категория рода имен с суффиксами субъективной оценки в языке русского фольклора 87
- М. И. Диброва. Особенности функционирования распространителей при прилагательных и причастиях 98